

ОТЗЫВ

На автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология (исторические науки) Е.М.Пигарева на тему «Низовья реки Волга в X – первой половине XVI вв. (по материалам археологических исследований)»

Представляемая Е.М.Пигаревым к защите диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук посвящена исторической интерпретации многолетнего (в том числе и самим диссертантом) археологического изучения низовьев р.Волги в географических границах Прикаспийской низменности. Это само по себе очень важно и интересно, поскольку Прикаспийская низменность, составляющая значительную часть географии Поволжья, до сих пор в трудах исследователей региона рассматривалась фрагментарно, в контексте археологии отдельных, хотя и ярких археологических памятников типа Селитренного и Самосдельского городищ и сопутствующих им объектов. Но главное – диссертация Е.М.Пигарева является одним из пока ещё немногих в регионе исследований, в которых археологический материал анализируется и интерпретируется через призму палеоклиматических и палеогеографических данных, в которых решающая роль принадлежала трансгрессиям Каспийского моря. Сам автор данное положение определяет так: «Предлагаемый нами комплексный подход к проблеме влияния Каспийских трансгрессий на образование и развитие области Саксин и столичного центра Улуса Джучи (Золотой Орды) является полностью новым – другими исследователями он для изучения средневековых древностей не применялся» (с.6-7). С этим следует согласиться и этого уже вполне достаточно для того, чтобы признать несомненную актуальность и научную новизну и значимость диссертационного исследования Е.М.Пигарева.

В силу собственных научных интересов я, конечно, обратил внимание на источниковую базу рассматриваемого исследования. Она вполне репрезентативна: 305 археологических объектов. Среди них особо примечательным является упоминание 14 курганных могильников,

относящихся (по хронологической шкале автора) к концу X – середине XV вв. (с. 7). С подобной статистикой средневековых кочевнических памятников в низовьях Волги нельзя согласиться. В автореферате своей диссертации Е.М.Пигарев не называет эти 14 «курганых могильников», что, в общем-то, форматом автореферата и не предусматривается. Однако мое знакомство с кочевническим материалом региона и текстом самой диссертации позволяет настаивать на том, что кочевнических могильников X-XIII вв. на территории Прикаспийской Низменности (если исходить из условного допущения о том, что могильник – это не менее трех одновременных захоронений) известно только четыре. Это Кривая Лука (4 погребения), Старица (9 погребений), Черноярский (6 погребений) и, возможно, полностью разрушенный Петропавловский. Остальное – это единичные кочевнические захоронения, разбросанные на значительном удалении друг от друга. Вопрос, конечно, частный, но игнорировать его – значит создавать иллюзию массового проникновения кочевников огузо-печенежского и кипчакско-половецкого круга в Прикаспийские степи. Чего в реальности конечно не было. Забегая вперед, отмечу, что в 5-й главе своего исследования, посвященной исторической географии низовьев р.Волги в конце X – первой половине XVI вв., речь идет исключительно об этапах формирования именно оседло-земледельческих агломераций. Историческая география кочевников даже не рассматривается.

Выдвигаемые автором на защиту 9 положений фактически раскрывают его диссертацию как развернутое археолого- и историко-географическое исследование. Особенно отчетливо это проявляется в содержании первой главы диссертации «Природные условия низовьев р. Волга». Возможно, в контексте общего содержания диссертации данная глава и не является основной, но по своей эмпирической значимости приведенные в ней данные по хронологии колебаний уровня Каспийского моря (УКМ) исчерпывающе объясняют археолого-географическую ситуацию в регионе в эпоху средневековья. Причем, не только для территории собственно

Прикаспийской низменности, но и для прилегающих Волго-Уральских и Волго-Донских степей. Будучи непосредственно заинтересованным в реконструкции и объяснении исторической географии средневековых кочевников Волго-Уральского региона, считаю необходимым рекомендовать коллегам в своих исследованиях использовать схемы конфигурации водной поверхности Каспийского моря в период VI-VII – XV вв., приведенные Е.М.Пигаревым на рис. 16-18 его диссертации. Во всяком случае, я в своей дальнейшей работе именно так и собираюсь поступать. Тем более, что эти схемы опубликованы автором.

Главы 2 – 4 рассматриваемой диссертации источниковедческие. В главе 2 дается характеристика и история выявления всего корпуса источников по географии и археологии Нижневолжского региона, начиная со средневековых нарративов и кончая работами современных археологических экспедиций Марийского университета и Института археологии им. А.Х.Халикова АН РТ. Главы 3 и 4 – сугубо источниковедческие в контексте **именно археологического источниковедения**, поскольку они вводят в **научный оборот многочисленный** и доселе, за редким исключением, не **известный археологический материал**. Поэтому содержащуюся в этих главах информацию необходимо просто принять к сведению и использовать как **новый, критически обработанный и проанализированный источник**.

Гораздо сложнее однозначно оценить информацию, представленную в главе 5 «Историческая география поселенческой структуры низовьев Волги в конце X – первой половине XVI вв.». В этой главе особое внимание привлекает сюжет о «государстве Саксин». В тексте автореферата автор однозначно говорит о том, что вследствие снижения УКМ в XII – первой половине XIII вв. «на постхазарском пространстве возникает новое государственное образование, известное нам как Область Саксин» (с. 18).

В тексте диссертации отношение автора к этому понятию претерпевает определенные метаморфозы. Вначале автор предуведомляет читателя о том, что в силу недостаточности археологического материала подробное

рассмотрение Области Саксин, как государственного образования в задачу его диссертации не входит (дисс. С. 215). На следующей странице своего исследования он приводит тот же тезис, что и в тексте автореферата (дисс. С. 216).

Ниже Е.М.Пигарев приводит краткий пересказ сведений Абу Хамида ал-Гарнати о его путешествии в Восточную и Центральную Европу в 1131 – 1153 гг. (публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта 1971 г). Чтобы проникнуться логикой рассуждений диссертанта, процитирую этот абзац полностью: «Единственными письменными источниками, описывающими низовья Волги предмонгольской эпохи являются сочинения Абу Хамид ал-Гарнати, проживавшего в Саксине 20 лет (1131-1150), в которых он приводит всесторонние сведения об этой территории. В них он называет её страной хазар и тюрков, ставя город Саксин в один ряд с Булгаром и Хорезмом и, характеризуя его как крупный центр исламской культуры и международной торговли. И само проживание в Саксине столь известного в исламском мире **правоведа**, получившего образование в Каире и Багдаде, также говорит о **значимости** этого средневекового государства на политической карте Евразии» (дисс. С. 216-217).

Правила и методика исторического источниковедения (изложенные в любом вузовском учебнике) требуют, прежде всего, проведения внешней и внутренней критики источника. К первой, кроме установления подлинности, времени и места составления источника (нарратива), относится и установление личности и характеристики его автора. В данном случае эта проблема тоже не стоит – автор известен – но кто он был? Е.М.Пигарев номинирует его «известным в исламском мире правоведом» (дисс. С. 217). Источник этих сведений неизвестен. О.Г.Большаков – известный востоковед-арабист – в своей вводной статье «Ал-Гарнати и его сочинения» к сочинению ал-Гарнати дает ему следующую характеристику: «Частые поездки из Саксина вызывают вопрос, кто такой Абу Хамид: любитель путешествий или предприимчивый купец, оставивший, на наше счастье,

записки о виденных им диковинках? Конечно, он прежде всего мусульманский правовед и проповедник, **миссионерство которого не было подвижничеством** (выделено мной – В.И.). Авторитет «специалиста из центра» способствовал получению щедрых даров от власть имущих мусульман, а при случае Абу Хамид не упускал возможности выгодно купить и продать. При всем этом нашему автору нельзя отказать в любознательности и интересе к посещению незнакомых мест, без чего он никогда не пустился бы в странствие в такие дальние для него края. **Не исключена возможность** (выделено мной – В.И.), что в некоторых поездках, особенно в Хорезм, он мог выполнять дипломатические поручения» (Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати...1971, с. 9-10).

Таким образом, в интерпретации исследователей биографии аль-Гарнати он являлся вполне ординарной для своего времени личностью, чье проживание в г. Саксин (и то с перерывами – 1135-1136 гг. в Булгаре, 1150-1153 гг. – в Венгрии) отнюдь не придавало этому городу статуса столицы некоего «государства Саксин».

Внутренняя критика – проверка нарратива на достоверность содержащихся в нем сведений. Но здесь мы бессильны, поскольку, кроме аль-Гарнати в Саксине никто из средневековых авторов не бывал. А сам аль-Гарнати сообщает только, что в г.Саксине проживают многочисленные – «сорок племен» гуззов/огузов, болгар, сувар (каждый со своим эмиром), хазар и арабских купцов из Магриба. И единственное между ними отличие в том, что эмир «жителей Булгара» живет в середине города и у «булгарцев» и сувар есть свои соборные мечети (Путешествие... С. 27). И здесь вопрос к диссертанту – в чем здесь содержатся сведения о «государственном образовании Саксин»?

«Источники более позднего времени, посвященные завоеванию Нижнего Поволжья монголами, также неоднократно упоминают Саксин» (дисс. С. 217). И это действительно так: из 152 упоминаний хоронимов (областей/народов, но не государств), представленных в сочинениях 30

арабских и персидских авторов середины XIII-середины XV вв., 5% составляют упоминания области (но не государства) Саксин (Иванов В.А. География Улуса Джучи (Золотой Орды) в изложении средневековых авторов – в печати).

Естественно, каждый исследователь вправе (и даже должен) давать свою интерпретацию сведений, содержащихся в нарративе. Но она не должна быть излишне вольной и абстрактной. И в данном случае, если бы я задался целью определить характер «государственного образования Саксин», опираясь исключительно на ал-Гарнати, то я предложил бы малореальную для той ситуации версию племенной «конфедерации Саксин» под верховенством либо огузов (как-никак – 40 племен), либо болгарского эмира (не случайно, наверное, он жил в центре города). Но в общем-то это беллетристика, как и предлагаемый Е.М.Пигаревым дискурс об области-государстве Саксин.

Дискуссии подобного рода – это естественная составляющая масштабных исследований, каковым является диссертация, представленная Е.М.Пигаревым к защите. Отмеченная выше четкая привязка археологического материала из низовьев Волги к динамике уровней колебания Каспийского моря (УКМ) – это только одно из важных эмпирических достижений исследователя. Не менее важными, инновационными и вполне убедительными в контексте воссоздания социально-экономической истории Нижневолжского региона являются построения исследователя, касающиеся этапов формирования столичного домена Улуса Джучи. По своей эмпирической значимости эти построения выводят рассматриваемую работу в междисциплинарное историко-археологическое поле и открывают как для археологов, так и для историков новые направления в их поисковой деятельности.

Таким образом, давая общую оценку диссертации Е.М.Пигарева, следует отметить, что по всем параметрам она полностью соответствует научному исследованию на уровне докторской диссертации, что дает мне

основание высказать перед Диссертационным советом свое мнение о вполне заслуженном присвоении Е.М.Пигареву искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. – Археология.

Главный научный сотрудник Научно-образовательной лаборатории патриотического воспитания молодежи и истории казачества Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы,
доктор исторических наук, профессор

Иванов В.А.Иванов
22.04.2024.

